

*А. М. Гордин,
кандидат искусствоведения, научный сотрудник
Государственного Эрмитажа, г. Санкт-Петербург*

**Чаша и крест.
О двух западных литургических предметах
В церквях Опочецкого уезда**

Судьбы отдельных предметов порою увлекательнее человеческих авантюр. Впрочем, одно невозможно без другого.

Среди многочисленных газетных публикаций опочецкого историографа Ивана Петровича Бутырского, о которых счастливо напомнили недавно Натан Феликсович Левин и Елена Сергеевна Сторокожева¹, есть и напечатанная в 1846 г. «Ведомостями Санкт-Петербургской городской полиции» заметка под заглавием «О священном потире с латинскою надписью, находящемся Псковской губернии пригорода Краснаго в Николаевской церкви»². Эта заметка с описанием забытого ныне предмета и догадками о его происхождении представляла бы весьма скромный интерес, если бы не карандашный рисунок, странным образом, оказавшийся вклеенным в метрику опочецкого Спасо-Преображенского собора в архиве бывшей Императорской Археологической комиссии в Петербурге: он изображает тот же самый потир вместе с имевшимися на нем надписями (ил. 1). Хотя Иван Бутырский был сыном соборного протоиерея, появление рисунка в метрике, очевидно, с его заметкой никак не связано и объясняется личной инициативой лица, чья подпись стоит в правом нижнем углу листа: протоиерей Иаков Розанов, многолетний настоятель опочецкой Успенской церкви и благочинный 1-го благочиннического округа, к которому наряду с собором относилась и Николаевская церковь пригорода Краснаго³. Императорская Археологическая комиссия, рассылая в 1887 г. по епархиям метрики, или, говоря современным языком, опросные

¹ Левин Н. Ф., Сторокожева Е. С. Краевед Иван Бутырский // «Псков», № 45, 2016. С. 6.

² Ввиду труднодоступности указанного издания, полный текст заметки публикуется в приложении к этой статье. Любопытно, что в подвале (с названием «фельетон полицейской газеты») того же номера «Ведомостей» за заметкой Бутырского следует еще один псковский материал, а именно большой некролог автору «Атласа Псковской губернии» (1838) и рисунков для литографий с видами Пскова, Изборска, сельца Михайловского и Святогорского монастыря землемеру И. С. Иванову.

³ Об отце Иакове Розанове (1828–1901) см.: Коломцева Н. В., Парфенова С. А. Храмы Опочецкого уезда Псковской губернии. Псков, 2017. С. 32–34. Одной из обязанностей благочинного было следить, чтобы священные сосуды и другая утварь во вверенных его попечению церквях находились в исправном виде. Поэтому, кстати, можно полагать, что о необычном потире И. П. Бутырский узнал от своего отца.

листы, просила сообщать ей обо всех древних надписях и предметах. При этом, однако, метрики заполнялись лишь в храмах, построенных до XIX в. Освященная в 1806 г. красногородская церковь в их число, естественно, не попала.

Подпись отца Якова Розанова, разумеется, еще не означает, что рисунок был выполнен им самим. Как законоучитель городского училища он мог воспользоваться помощью преподавателя рисования или кого-то из учащихся. Как не жаль, но авторство И. П. Бутырского приходится, во всяком случае, исключить. Тонкая, плотная и гладкая желтоватая бумага указывает на конец, а не на середину XIX в.

Изображенный на рисунке потир – классическое, можно сказать, произведение позднеготического ремесла. Глубокое, слегка коническое тулово, перехваченный сплюснутым «яблоком» шестигранный стоян, ромбовидные отростки «яблока», на торцах которых вычеканено имя «Иисус» (IESVS) и одна розетка, шестилепестковый поддон с гравировкой в виде круглящихся разводов травного узора, вкладная надпись по наклонному краю поддона. Единственная странная деталь – отделенное фланцем дополнительное верхнее, более широкое, но короткое, звено стояна, да еще отсутствие у поддона ребер. Последнее, впрочем, наверняка лишь небрежность рисовальщика.

Что касается надписи «hic calix est comparatus impensis h[onorabilis] d[omini] Stanislavi de Koczko vice custodis opatovien an[n]o d[omini] 1540», то Бутырский перевел ее следующим образом: «Сия чаша устроена иждивением досточтенного господина Станислава Кóчко, Вице-Коменданта Опáтовскаго, лета Господня 1540-го»⁴. Несмотря на то, что Иван Петрович хорошо знал латынь⁵, приходится не согласиться с ним в двух вещах. Во-первых, в определении вкладчика как вице-коменданта. Хотя латинское слово *custos* означает «надзиратель, страж», *вице-ку́стос*, или по-польски *вице-ку́стош* – прежде всего, церковная, а не военная должность. В городе Опатове, находящемся на юге Польши (ныне Свентокшиское воеводство)⁶, существовала и существует до сих пор основанная в XII в. коллегия святого Мартина Турского (ил. 2). Коллегия – в некотором роде, аналог собора: в ней коллегиально, то есть соборно, совершали службу каноники. И среди них кустош и его заместитель, вице-кустош.

⁴ Точное соответствие арабских цифр на рисунке из метрики принятому в XVI в. начертанию позволяет думать, что и латинские буквы были скопированы с немалой точностью. Заметим также, что на рисунке, в отличие от заметки, имя *Stanislavi* написано без буквы *v*, а попавшая на сгиб и оттого, очевидно, плохо читавшаяся буква *i* в слове *opatovien* заключена в круглые скобки.

⁵ Будучи преподавателем Великолуцкого уездного духовного училища, он даже предлагал начальству свои услуги в качестве составителя латинской грамматики. – Левин Н. Ф., Сторокожева Е. С. Краевед Иван Бутырский // «Псков», № 44, 2016. С. 4.

⁶ По-польски название города звучит как *Opatów* (opat – польская огласовка слова аббат).

Как верно заметил Бутырский, надпись не указывает, в какую именно церковь вложена была чаша. Тем не менее, определение вкладчика как канонника, а не как действующего или отставного вице-коменданта, значительно прочнее связывает чашу с Опатовом, ибо канонники, как правило, делали вклады в свою собственную церковь или же в ее филиалы.

Другая поправка: не «Станислав Кóчко», а «Станислав из Кóчко», учитывая присутствие в надписи предлога *de*. Кóчко – так в XVI в. писалось название нынешнего городка Коцк, расположенного в 120 км к северо-востоку от Опатова (Люблинское воеводство). Более того, не где-нибудь, а именно в коллегии опатовской в 1991 г. на своде западной трапеи главного нефа была расчищена декоративная роспись с надписью: «MATIAS DE COCZKO NOS PINXIT 1547», т. е. «Матыяш из Кочко написал сие [лета] 1547-го»⁷. Считается, что это автограф художника, однако в подобных надписях часто указывалось имя заказчика, а вовсе не исполнителя.

По странному совпадению, в те же годы, а именно под 1545 г., встречается упоминание еще одного «достопочтенного господина» из Кочко, «h[onorable] d[omi]ni Jacobi de Koczko», находившегося – возможно в качестве военнопленного – в Швеции⁸.

В вопросе о путях попадания потира в Красный, можно лишь повторить версии, предложенные Бутырским: привезенный из похода военный трофей либо наследие тех 35-лет, которые город прожил под властью Польши. Вопреки тому что вслед за летописцами указывали историки-краеведы, Красный отошел к Речи Посполитой не по Поляновскому договору 1634 г., а существенно раньше – по Деулинскому перемирию 1618 г.⁹, с чем, кстати, перекликаются сведения Бутырского о том, что «еще до отдачи, в 1634 году, при Царе Михаиле Федоровиче, Краснаго Польше ... псковская граница с Польшею находилась у самага Краснаго на Синея реке», и что там за рекой даже показывали горку, на которой некогда стоял «кляштор» или костел¹⁰. По архивным

⁷ Zub J. Opatów – kolegiata pw. Św. Marcina (woj. świętokrzyskie). Tarnobrzeg, 1999. S. 8–10, 13–17; Lubryczyńska M. Problematyka ikonograficzna i konserwatorska drewnianego kościoła w Boguszycach koło Rawy Mazowieckiej // Ochrona zabytków, 2006, № 3. S. 43, il. 28. Именно Мария Любрычиньска приводит старые названия Коцка, считая Матыяша выходцем из этого городка, тогда как некоторые другие авторы почему-то считают его словаком.

⁸ Lindskog P. E. Försök till en kort Beskrifning om Skara Stift. I Häftet. Skara, 1812. S. 16.

⁹ Меньшов Н. П. Административно-территориальное деление и история Себежского уезда в XVI–XVIII вв. (по материалам Российского государственного архива древних актов): <http://www.sebez.ru/istoria.htm>; Дементьев В. С. Изменение внешних границ и внутреннего деления средневековой Псковской земли // Псковский регионологический журнал. 2016, № 2 (26). С. 99, рис. 4, 103;

¹⁰ Если только склонная к преувеличению народная молва не имела в виду упоминаемый писцовый книгой 1585–1587 гг. постоялый двор для немецких купцов: «да за рекою за Синею дв. немецкой

данным, как минимум, одна из красногородских церквей (в конце XVI в. их было три, в начале XVII в. могло остаться и того меньше) оказалась в то время в составе Полоцкой униатской епархии¹¹, которая, надо думать, вполне могла проявить заботу о наделинии своего храма более достойной богослужебной утварью.

Вернувшаяся в Красный Московскому государству русско-польская война 1654–1667 гг. является, во всяком случае, крайней датой попадания чаши в псковские пределы, но, заметим, даже и тогда царские войска не воевали дальше Люблина и Бреста. Посему чаша сперва должна была проделать немалый путь внутри самой Речи Посполитой¹².

По утверждению Бутырского, «верх... чаши – старинной русской работы». Рисунок заставляет в этом усомниться. «Русской работы» здесь, возможно, лишь гравировка. Разумеется, известно немало примеров, когда русские мастера-серебряники приделывали к стояну и поддону латинского потира новое тулово: достаточно назвать серебряные золоченые потиры из Оружейной палаты (инв. № 17648, XIV и XVI вв.), Государственного Исторического музея (инв. № ОК 6172, XV в. и конец XVI – начало XVII в.) и Псковского музея-заповедника (принадлежал церкви Богоявления с Запсковья, инв. № 7, конец XV в. – начало XVI в. и 1687 г.)¹³.

Запечатленный на рисунке потир производит, однако, вполне цельное впечатление. Форма тулова, как было сказано, слегка коническая, а не «рюмочная», с почти прямыми стенками, как это обычно у русских потиров конца XVII–XVIII в., и тем более не полусферическая, как у потиров древнерусских, в том числе и переделанных из западных. Предвижу возражения, что это из-за характерного ажурного готического ободка, чей узор лишь слегка намечен рисовальщиком. Но уже сам факт его сохранности говорит не в пользу замены тулова. Как, впрочем, и внутренняя его позолота,

приезжей, а въ немъ дворникъ Демешка Григорьевъ». – Сборник Московского архива Министерства юстиции. Т. 5: Псков и его пригороды. Кн. 1. М., 1913. С. 259.

В Себеже, отданном вместе с Красным, первый костел появился, как известно, в 1625 г.

¹¹ Благодарю за это указание С. Г. Козлова-Струтинского.

¹² Бравурная концовка статьи И. П. Бутырского «а впрочем, и то немудрено, что наши удалые наездники были в самом *Опатове*, или в окрестностях его. Во всяком случае, потир этот служит доказательством храбрости и молодечества прежних Красногородцев над Литовцами или Поляками», разумеется, прежде всего – осознанная либо неосознанная дань ура-патриотической фразеологии николаевского царствования.

¹³ Даркевич В. П. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X–XIV вв.) (= Свод археологических источников, Е1-57), Москва, 1966. С. 48, кат. № 90, табл. 27, 3-10 (происходит из церкви Жен Мироносиц в Новгороде); Золото. Металл богов и царь металлов. Из собрания Государственного Исторического музея. Авт.-сост. Т. И. Сизова. М., 2007. С. 12–13 (происходит из Александровой слободы); Родникова И. С. Художественное серебро XVI – начала XIX века из собрания Псковского музея-заповедника. М., 2014. С. 30, 214–215, кат. № 162.

обязательная для польских чаш, но не для потиров XVII – начала XVIII в. провинциальной русской работы.

Венчик чаши, если верить рисунку, был заметно отогнут наружу. Для западных, как, впрочем, и для русских потиров, изготовленных ранее конца XVI в., эта деталь, действительно, нехарактерна. Тем не менее, однозначно считать ее результатом позднейшей перековки нельзя. Небольшой отгиб иногда все же встречается, как, например, у сравнительно близкой по пропорциям к нашей – но только не с латинской, а старобелорусской вкладной надписью на поддоне – чаши из Новогрудка (ил. 3) или у более массивной чаши виленской работы из церкви Никиты Мученика в Новгороде (обе зрелого XVI в.)¹⁴. Ажурный ободок новгородской чаши на вид так же крепится непосредственно к тулову, будучи лишен полусферического основания, называемого кожухом. Необязательность последнего подтверждает и пример более раннего роскошного потира из кафедрального собора в поморском городе Квидзыне (около 1500 г.)¹⁵. Впрочем, в случае красногородской чаши наличие «лишнего» звена вверху стояна, с фланцем или закраиной под ним, заставляет думать, что кожух изначально все же имелся (скрывая короткий шестигранник и опираясь на закраину), но был удален русским мастером – возможно, чтобы слегка опустить ободок и дать больше места для гравировки.

Что касается гравировки, то овальная форма медальонов с Деисусом и Голгофским Крестом, обрамляющие их острые листья и ростовые фигуры Деисуса указывают, самое раннее, на петровскую эпоху. Церковно-славянские надписи, судя по зарисовке (ил. 4), не имели ярких датирующих признаков, но, с учетом орфографии и стилистики шрифта, датировка концом XVII – началом XVIII вв. кажется для них вполне подходящей¹⁶. Как раз с этого времени установительные слова Евхаристии «Пиите от нея вси...» начинают сменяться на русских потирах текстом причастного стиха. В нашем случае, как впрочем,

¹⁴ Национальный исторический музей Беларуси, инв. № КП 6984; Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, инв. № НГМ КП 1090 ДРМ-260 (благодарю за уточнения научных хранителей Л. И. Толкачеву и Н. В. Гормину). Мнение о том, что верх новгородского потира заменен в XVII в., скорее всего, ошибочно.

¹⁵ Пропал во время второй мировой войны. См. <http://lootedart.pl/katalog-strat-wojennykh/obiekt/?obid=11161>

¹⁶ См. довольно схожее начертание ряда букв на псковском потире конца XVII в. из церкви Козьмы и Дамиана с Примостья, также с ростовым Деисусом и Голгофским Крестом в орнаментальных овалах (ПГОИАХМЗ, инв. № 19). – Родникова И. С. Художественное серебро XVI – начала XIX века... С. 49, 212–213, кат. № 161. «ИС ХС» в зарисовке, видимо, ошибочно вместо «ИНС ХС»: это «никонианское» написание инициалов Спасителя обычно, в том числе, и на псковских потирах указанной эпохи (ПГОИАХМЗ, инв. № 5, 19). – Там же. С. 210–213, кат. № 160, 161.

и для большинства потиров XVIII–XIX вв., выбор этого более краткого текста был, не в последнюю очередь, обусловлен малым диаметром тулова.

Таким образом, если верно предположение, что чаша попала в Красный еще в первой половине – середине XVII в., то следует признать, что первое время она либо не использовалась по назначению (что кажется маловероятным), либо использовалась без нанесения гравировки. Гравировку же, с большой вероятностью, можно приписать псковским мастерам: в петровское время в Пскове трудилось до полутора десятка серебряников¹⁷.

Чаша вице-кустоша Опатовского – рядовое произведение польского ювелирного ремесла XVI в. Но для псковского приграничного городка то была, конечно, вещь редкая и дорогая. Заманчиво предположить, что первоначально она служила украшением главной его церкви – Спасо-Преображенской, хотя у нас нет полной уверенности в существовании последней на момент попадания чаши в Красный¹⁸.

Во всяком случае, именно ее, несомненно, упоминает наряду с оловянным диском и потиром опись имущества Никольской церкви середины 60-х гг. XVIII в.: «потиръ сребренная смалою позолотою». Из других предметов серебряными были только лжица и «крестъ благословящей сребренной позлощенной ветхой»¹⁹. Та же опись отмечает возле царских врат «образъ преображения господня нанем "3" венчика сребренных позлощенныхъ» – вероятно, храмовый Спасской церкви²⁰, поскольку позднее при Никольской церкви имелся Преображенский придел. В 1792 г. Никольская церковь вместе с приделом сгорела, но из донесения причта и описи «налицо со стоящымъ вѣщамъ» видно, что «сосуды служащѣе» наряду с прочим удалось спасти²¹. Так потир

¹⁷ Постникова-Лосева М. М. Серебряное дело Пскова XVI–XVII веков // Древнерусское искусство. Художественная культура Пскова. М., 1968. С. 162, 171–173.

¹⁸ Спасской церкви не было уже в конце XVII в.: «Город Красное над Синею, пуст... На церковном месте Преображения Спасова построена часовня деревянная». – Сборник Московского архива Министерства юстиции. Т. 6: Псков и его пригороды. Кн. 2. М., 1914. С. 424, № 95 (смета 7206 (1698) г.); Софийский Л. И. Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем (1414–1914 гг.). Псков, 1912. С. 180.

¹⁹ РГАДА, ф. 280, оп. 3, 1763–1767 гг., д. 822. Л. 2 об. Благодарю сотрудников архива за копирование этого и других листов (ввиду неполноты моих выписок). В старину слово *потир* часто писали и произносили с мягким знаком на конце, отчего его можно было принять за существительное женского рода.

²⁰ Там же. Л. 4 об. Еще один «образъ преображения господня» находился в притворе, но он был писан на холсте, а значит, относился уже к XVIII в. Стоявший в иконостасе «образъ рожества богоматере писан на красках ветхой», очевидно, также был храмовым – в упоминаемом писцовой книгой 1585–1587 гг. монастыре Рождества Пречистые.

²¹ Гордин А. М. Деревянное церковное строительство последней трети XVIII в. по материалам архива Опочечского духовного правления. Николаевская церковь пригорода Красного // Архитектурно-археологический семинар. Материалы заседания памяти Ю. П. Спегальского (1909–1969). СПб., 2001. С. 67; ГАПО, ф. 369, оп. 1, д. 546. Л. 2, 6 («Чаша, дискось, звѣзда, два блюдечка крестовое и б(о)городичное

попал в ныне существующую Никольскую церковь, построенную на рубеже XIX в. И во времена Бутырского о его происхождении никто уже ничего не помнил.

Теперь о другом, еще более интригующем предмете. Ведь пока даже не удастся найти его четкое изображение! Впрочем, многие, вероятно, читали о нем у внука графа П. А. Гейдена Николая Волкова-Муромцева, в его написанных в Англии и изданных Н. Д. и А. И. Солженицыными воспоминаниях детства и юности. «На южном конце озера Глубокого, – вспоминал Волков-Муромцев, – был высокий вал, который кончался площадкой. Когда этот вал был построен, никто наверняка не знал... Некоторые говорили, что он был построен Стефаном Баторием, другие говорили, что гораздо раньше. Во всяком случае, площадка была занята когда-то какими-то католиками, это конечно могли быть тевтонские или ливонские рыцари.

Когда мой прапрадед Никита Иванович решил на площадке построить церковь, то он сам перевернул первый дерн, и его лопата ударилась во что-то твердое. Когда откопали, то оказался большой 6-футовый филигранный железный крест, католический, с распятием в эмали на одной стороне и ягненком с крестом на другой.

Крест подняли, и, так как он стоял в правильном направлении, он остался за алтарем в новой церкви»²².

Красивое семейное предание. Нет оснований ему не верить, хотя известно, что князья Дондуковы-Корсаковы, включая Никиту Ивановича (1775–1857), были крупными коллекционерами, ценителями искусства, а находка средневекового креста как-то очень кстати совпала с наступившей в ту пору, в 40-е гг. XIX в., модой на готику и средневековье. Эта мода сказалась и в облике глубоковской церкви, с ее большими, близкими к готическим окнами и вертикальным ритмом оштукатуренных филенок, не говоря уже о стоявших неподалеку Святых ворот, архитектура которых сочетала элементы итальянского Ренессанса и романского стиля²³.

В 1914 г. крест из Глубокого экспонировался в Пскове на выставке по случаю XVI археологического съезда (сам съезд был отменен из-за начала войны). В каталоге выставки имеется краткое описание: «4-х конечный латинский крест 16 на 9 и ¼ вершка с золотыми насечками и эмалью XII (?) – XIV века и с 9-ю чеканными и гравированными

сребренные и позлащены...»). Благодарю сотрудников архива за копирование ряда листов указанного дела.

²² Волков-Муромцев Н. В. Юность. От Вязьмы до Феодосии (1902–1920). («Всероссийская мемуарная библиотека»). М., 1997. С. 27–28 (первое издание: Париж, 1983).

²³ Груздева Т. Н. Владельцы имения Глубокое // «Псков», № 21, 2004. С. 82, 89. Ворота разрушены в войну.

клеймами. К нему деревянное витое древко»²⁴. Древко, конечно, было добавлено при установке креста в глубоковской церкви. Но именно оно позволяет уверенно опознать его на переднем плане фотографии, украшающей обложку каталога (ил. 5). Увы, других снимков с выставки ни в Пскове, ни в столичных хранилищах найти пока не удалось. По крайней мере, на фотографии худо-бедно видны концы креста с расширениями для клейм и «наконечниками» в виде трефов, скульптурное Распятие, эллипсоидное «яблоко» с рукоятью для насадки на древко... Форма и пропорции креста определенно указывают на XV–XVI вв.: в качестве аналогии можно указать сразу несколько процессионных крестов этого времени из французских церквей, преимущественно в Шампани (ил. 6), чьи фотографии содержатся в базах данных, доступных на сайтах министерства культуры Франции²⁵. Однако массивное Распятие со слабо склоненной вправо головой Иисуса, вероятно, даже увенчанной короной, а также с рельефным подножием, скорее всего, относилось к более ранней эпохе. Ведь и в каталоге выставки XII–XIV вв. датировано именно Распятие с эмалью, а не весь крест. Не исключено, что речь идет об изделии лиможских мастеров, подобном небольшому Распятию в коллекции Государственного Эрмитажа, происходящему из собрания графов Строгановых²⁶ (ил. 7). Произведения средневековых лиможских эмальеров имели широкое хождение по всей Европе и даже за ее пределами, а перенос старых накладных деталей на новые изделия был делом обычным. Тем не менее, до обнаружения более удовлетворительного снимка выводы делать рано. Литые Распятия XVI в., эпохи Ренессанса, тоже по-своему массивны.

Запомнившийся Волкову-Муромцеву образ «ягненка с крестом» на оборотной стороне традиционен для латинских церковных крестов большого размера. На Западе, более, нежели Восток, ценившем книгу Откровения Иоанна Богослова, уже в первые века христианства укоренилось и снискало огромную популярность основанное на текстах Ветхого Завета, Апокалипсиса и на вошедших в литургию слова Иоанна

²⁴ Каталог выставки XVI Всероссийского Археологического съезда 1914 года в Пскове, отмененного по случаю войны. Псков, 1915. С. 56, кат. № 42. В переводе на метрическую систему размеры креста составляли 71 x 41 см. Очевидно, называя крест 6-футовым, Н. В. Волков-Муромцев представлял его себе вместе с древком.

²⁵ <http://www.culture.fr/Ressources/Moteur-Collections>. Эта сложная форма креста с ветвями, перехваченными у концов овалами (или кружками) для размещения чеканных клейм, зародилась еще в романскую эпоху. В соответствии с готической эстетикой с XIII в. выступающие концы ветвей, прежде массивные и тупые, принимают криновидные очертания, переходящие затем в форму лилий или заостренных трефов.

²⁶ Лазурь и золото Лиможа. Эмали XII–XIV веков. Каталог выставки. Авт.-сост. Е. Н. Некрасова. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2009. С. 108, кат. № 35.

Крестителя, символическое изображение Христа в виде жертвенного Агнца: «esse agnus Dei qui tollis peccata mundi», т. е. «се агнец Божий вземляй грехи мира»²⁷.

Рельеф с Агнцем в средокрестии тыльной стороны – один из «9-ти чеканных и гравированных клейм», упомянутых каталогом. Нетрудно, кажется, угадать и то, что могли изображать остальные восемь, помещавшиеся с обеих сторон перед трехлиственными концами ветвей. Обычные спутники Агнца – символы евангелистов (сиречь тетраморф), в то время как со стороны Распятия возможны варианты: фигуры самих евангелистов либо же фигуры Богоматери и святого Иоанна Богослова – по бокам, Господа Саваофа (до XIV в. – благословляющей десницы Господней; другие варианты: ангела, пеликана) – вверху и восстающего из гроба Адама – внизу.

Немаловажен, разумеется, вопрос, из какого металла был сделан крест? Упоминание золотой насечки как будто исключает обычную для церковной утвари бронзу. Может быть, крест был серебряный или окованный серебром, отчего Волкову-Муромцеву он запомнился как железный? Тем более что стальной крест не мог так хорошо сохраниться даже в песчаной почве. Как бы то ни было, использование золотой насечки характерно для отделки оружия и доспехов – иначе говоря, предположение о принадлежности креста рыцарям или ратникам находит некоторую поддержку.

Упомянутое Волковым-Муромцевым предание о прохождении вблизи Глубокого Стефана Батория также, возможно, не выдумка. Путь армии польского короля от Заволочья к Вороницу лежал намного восточнее Опочки. Не случайно схожая легенда бытовала и в Терebenях²⁸. Учитывая, что проходивший по северо-восточному берегу озера Глубокого почтовый тракт из Великих Лук, очевидно, наследовал ямской дороге XVI в., легко допустить, что на доисторическом городище в Паново, где ныне церковь, 3-4 августа 1581 г., в самом деле, был разбит однодневный лагерь²⁹. Место – на перешейке между двух (в ту пору, кажется, даже трех) озер – было хорошо защищено.

²⁷ В средневековье к фигуре Агнца добавились книга и победный крест на высоком древке. На Востоке отказ от изображений Агнца стал следствием запрета неисторических изображений Христа Трульским собором (691–692).

²⁸ «Теребень... Лет 12-15 тому назад было около 15 курганов, теперь остались два... Сохранилось предание о нашествии Стеф. Батория, связанное с этими курганами. Сообщ. свящ. Мих. Дубровский. (Мат. 727)». – Окулич-Казарин Н. Ф. Материалы для археологической карты Псковской губернии // ТПАО. Вып. 10. 1913–1914. Псков, 1914. С. 186.

²⁹ Следовавший с задержкой на три дня за королевским войском ксендз С. Пиотровский на пути от Заволочья к Вороницу сделал две ночевки, причем первую – в пустынной и гористой местности, где было «много мелкого камня». – Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. (Осада Пскова). Перевод с польского О. Н. Милевского. Псков, 1882. С. 66. Ср. у Волкова-Муромцева (С. 30): «Место было гористое по нашим понятиям... Вся эта местность была моренная, песочная, с колоссальными глыбами гранита, порфира и разных других пирогенных камней».

Нетрудно также вообразить, как капеллан служил здесь мессу. Однако запрестольный крест не мог быть потерян случайно. Это могло произойти разве что при внезапном, разгромном нападении, в суматохе битвы. Но ни о чем подобном мы не знаем, и ничего подобного, разумеется, не было: ни при наступлении Батория, ни при его достаточно благополучном отходе. Самое большее, что могли себе позволить оказавшиеся в неприятельском тылу опочецкий и себежский гарнизоны – это перехватывать вражеских курьеров, да и то лишь тогда, когда основные силы Батория были сосредоточены под Псковом и Печорами. «В лесах около Опочки хватают наших курьеров и проезд в тех местах очень опасен»³⁰.

Не менее трудно представить себе случайную потерю креста войском Витовта или Константина Острожского. Последний, к тому же, был православным. Остается довольно шаткая гипотеза польско-литовского пограничного форпоста с деревянной часовней. Как мы видели на примере Красного, линия границы не была стабильной. Вдобавок, демаркация ее проводилась редко³¹. Судя по названиям рек, озер и деревень в одной из писцовых книг Полоцкого повета, составленных вскоре после взятия Полоцка Иваном Грозным (1563)³², во второй половине XVI в. полоцкий рубеж проходил примерно там же, где и граница Псковской и Витебской губерний или нынешняя граница Опочецкого и Пустошкинского районов. Особенно глубоко вклинивалась Полоцкая земля в Псковскую как раз в направлении озера Синовец, так что расстояние от его северного побережья до литовской границы не превышало 3-4 верст. Можно допустить, что в какой-то период – в эпоху Смутного времени или после того же Деулинского перемирия – эта часть Синовецкой губы оказалась в руках Речи Посполитой³³. Однако в один прекрасный день форпост был подожжен или в спешке оставлен при нападении с русской стороны.

Соблазнительно было бы связать с этим польско-литовским эпизодом происхождение названия *Паново*, характерного, в основном, для юго-восточных районов Псковской области, а равно и исчезновение находившегося в XVI в. на западном берегу Синовца одноименного погоста с церковью святого Егория (Георгия)³⁴.

³⁰ Дневник последнего похода Стефана Батория... С. 207 (запись от 27 октября).

³¹ Шеламанова Н. Б. Документы государственных межеваний 30–40-х годов XVII в. // Археографический ежегодник за 1971 год. М., 1972. С. 161–165, 172.

³² Писцовые книги Московского государства. Часть первая. Писцовые книги XVI века. Под ред. Н. В. Калачова. Отделение II. СПб., 1877. С. 496–500.

³³ Так, при межевании границы в 1634–1635 гг. выяснилось, что себежане «заходили» в Опочецком уезде на земли А. Л. Ордина-Нащокина. См. <http://www.sebez.ru/istoria.htm>.

³⁴ Сборник Московского архива Министерства юстиции. Т. 5. Кн. 1. С. 413. Стоявшая там позднее деревушка с часовней называлась *Часовня* или *Церковище*. – Списки населенных мест Российской

Судьбы креста и красногородской чаши в советское время покрыты таким же мраком неизвестности, как и их происхождение.

Естественно предположить, что чаша была конфискована при изъятии церковных ценностей весной 1922 г., после чего поступила в музейный фонд, однако документация изъятий, произведенных в красногородских церквях, похоже, утрачена³⁵.

Относительно креста не известно даже, вернулся ли он после закрытия выставки обратно в Глубокое или остался во Пскове, как это случилось с образом евангелиста Луки, пишущего икону Богоматери, из опочечкой Лукинской церкви (XVI в.), благодаря чему он благополучно сохранился до наших дней³⁶.

Не только множество экспонатов, но и большинство инвентарных книг Псковского музея, как известно, пропало в войну. В списках не вернувшихся из Германии музейных предметов ничего похожего на интересующие нас вещи не обнаруживается³⁷. Думается, однако, что появление их следов – лишь вопрос времени.

Потиры, близкие по времени и стилю, описанному в этой статье, даже в крупнейших музейных собраниях России и Беларуси единичны. Во Пскове, в силу приграничного его положения, западные церковные сосуды, безусловно, не были в прошлом диковинкой – особенно много должно было их появиться после грабежа Ливонии войсками Ивана Грозного³⁸. Однако и здесь основная музейная коллекция

империи. XXXIV. Псковская губерния. Список населенных мест по сведениям 1872–77 годы. СПб., 1885. С. 244.

³⁵ Выражаю большую признательность А. В. Кондратене, просмотревшему по моей просьбе в ГАПО материалы Губернской комиссии по изъятию церковных ценностей (ф. Р-590, оп.1, д. 1015, 448 л.). В указанном деле фигурирует, правда, одна «чаша с латинской надписью», но эта чаша – из Никандровой пустыни. – Иванова М. А. Кампания по изъятию церковных ценностей в Псковской губернии в 1922 г. // «Псков», № 24, 2006. С. 158.

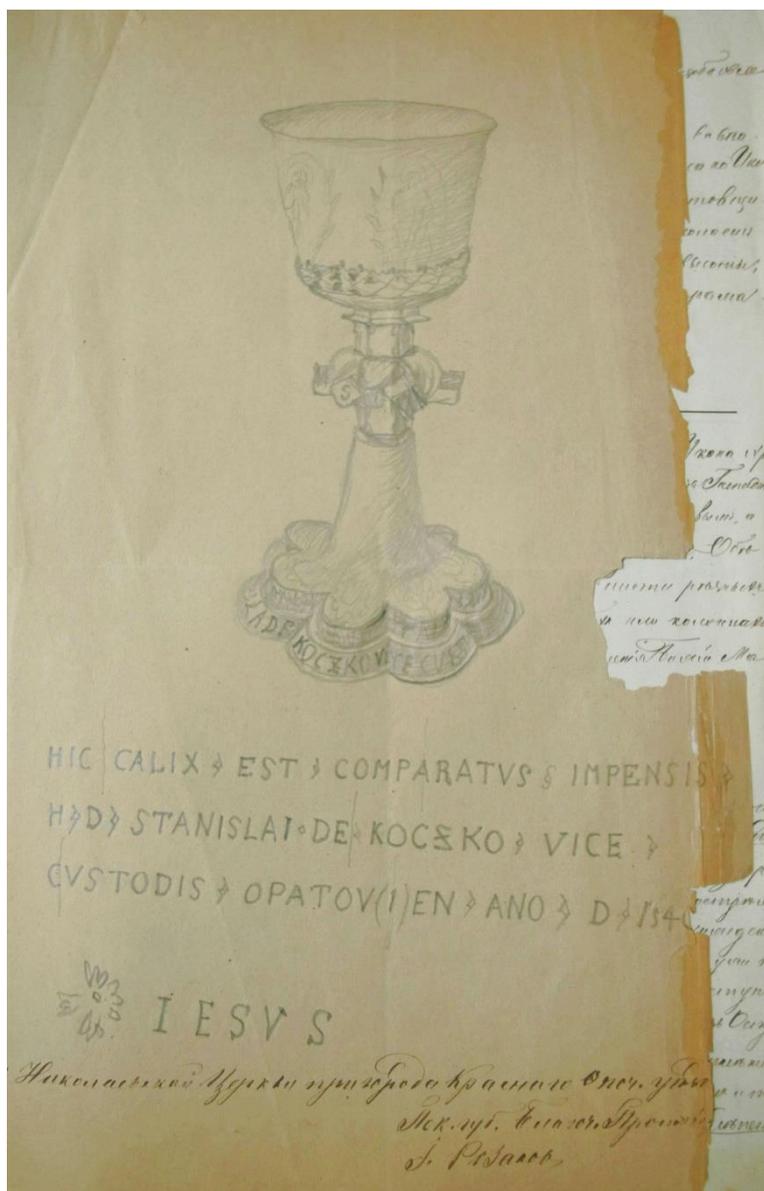
³⁶ «Часть коллекций была возвращена, часть осталась на хранении в музее ПАО». – Александров А. А. К 70-летию подготовки XVI Археологического съезда // Археология и история Пскова и Псковской земли. Краткие тезисы докладов к предстоящей научно-практической конференции. Псков, 1985. С. 7–8.

³⁷ См.: <http://lostart.ru/catalog/ru/tom14/2669/3143/>. Отсутствие сведений о кресте и чаше в уцелевших довоенных инвентарях подтвердила главный хранитель музея М. В. Проценко, которой я приношу мою благодарность.

³⁸ Так, опись Печерского монастыря 1585–1587 гг. по поводу трех серебряных литургических приборов замечает: «а присланы, сказываютъ, тѣ сосуды изъ нѣмецкихъ городовъ изъ Юрьева изъ Вильяна». – Псковский Печерский монастырь в 1586 г. // Старина и новизна. Исторический сборник... СПб., 1904. Кн. 7. С. 261; Родникова И. С. Художественное серебро XVI – начала XIX века... С. 51. Три немецких потира, а также один русский с готическим поддоном, сохранялись здесь и позднее. См.: Покровский Н. В. Заметки о памятниках псковской церковной старины // «Светильник», 1914, № 5-6. С. 23–24, табл. XII–XIV. Наиболее интересный из этих, опубликованных Покровским, потиров – ныне в Псковском музее (инв. № 16, рубеж XV–XVI вв.). Низ упомянутого потира из Богоявленской церкви (ПГОИАХМЗ, инв. № 7), видимо, также прибалтийско-немецкого происхождения. Популярность готических изделий подтверждают местные псковские подражания вроде потира из церкви Покрова от Торга (ПГОИАХМЗ, инв. № 10, зрелый XVII в.). – Родникова И. С. Художественное серебро XVI – начала XIX века... С. 49, 51, 214–218, кат. № 162–164.

насчитывает всего четыре адаптированных западных потира XV–XVI вв. (правда, при полном отсутствии серебряных русских потиров того же времени!), и лишь один из этих четырех, происходящий из Холмского уезда, сравнительно близок чаше из Красного³⁹.

Что же касается выносного креста с украшенным эмалью Распятием из Глубокого, то для нашей страны этот памятник церковного искусства, возможно, и вовсе уникален.

Ил.1. Рисунок потира Николаевской церкви пригорода Красного с воспроизведением латинских надписей (Научный архив ИИМК РАН, Р. III, д. 5871. Правая половина вклейки между лл. 8 об. и 9). © НА ИИМК РАН. Публикуется с любезного разрешения руководства архива и Института.

³⁹ ПГОИАХМЗ, инв. № 17. – Там же. С. 50, 220, кат. № 165. Судя по гравировке, этот потир оказался в пределах Московской Руси не позднее середины XVII в.

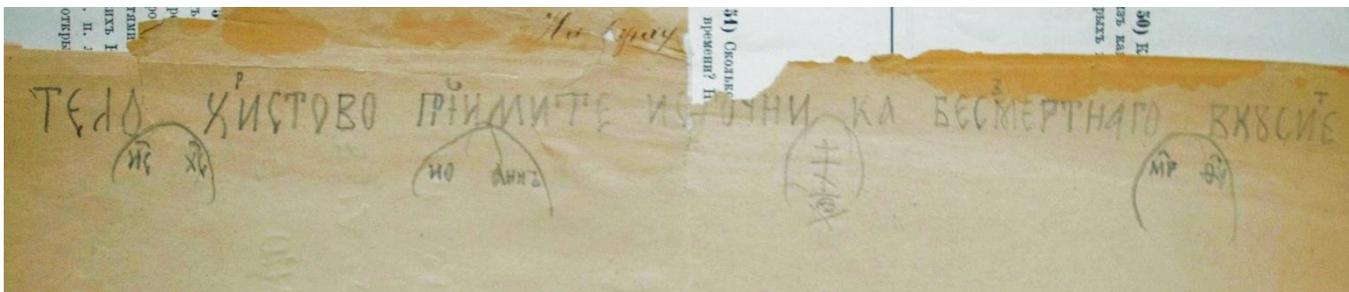
Ил.2. Опатов, коллегиата святого Мартина Турского, XIII–XVI вв. Фотооткрытка 1917 г.

Ил.3. Потир из церкви Богородицы в Новогрудке, XVI в. Латунь, позолота. Национальный исторический музей Республики Беларусь, инв. № КП 6984 © НГМРБ. Публикуется с любезного разрешения музея.

*«И дышит каждая строка историей моей земли»
материалы X историко-краеведческих чтений*

Ил.4. Церковно-славянские надписи на потире (Научный архив ИИМК РАН, Р. III, д. 5871. Деталь левой половины вклейки между лл. 8 об. и 9). © НА ИИМК РАН.

Ил.5. Выносной крест XV–XVI вв. с Распятием XIII в. (?) из Глубоковской церкви. Увеличенная деталь фото с обложки «Каталога выставки XVI Всероссийского Археологического съезда...» (Псков, 1915).

Ил.6. Выносной крест XV в. из церкви д. Лонсоль (Шампань). Чеканка по меди, золочение, деревянная основа. Фото Поля Робера, инв. № МН0008733 © Ministère de la Culture (France), Médiathèque de l'architecture et du patrimoine.

Ил.7. Крест с Распятием. Лимож, первая четверть XIII в., медь, непрозрачная эмаль, золочение, 18 x 14,5 см, Государственный Эрмитаж, инв. № Ф 1455 (фото из каталога «Лазурь и золото Лиможа», СПб., 2009).

*О священном потире с латинской надписью, находящемся Псковской
губернии пригорода Краснаго в Николаевской церкви*

Псковской губернии Опочецкого уезда, в Николаевской церкви приписанаго к Опочке пригорода Краснаго* находится примечательный священный потир, или чаша для приобщения Святых Таин. Верх этой чаши старинной русской работы, с следующими вокруг надписью и изображениями:

"ТЕЛО" – следует изображение Иисуса Христа.

"ХРИСТОВО ПРИИ" – следует изображение Св. Иоанна Предтечи.

"МИТЕ ИСТОЧНИ" – следует изображение Св. Креста.

"КА БЕЗСМЕРТНАГО" – следует изображение Божией Матери.

"ВКУСИТЕ".

Низ или поддонок, другой, древнейшей работы, представляет шестилучную позлащенную звезду, с столбиками вверху и внизу, из которых верхний соединяет его с самою чашею, и, заметно приделан к ней после, а нижний, с самим дном или основанием чаши. На каждом из пяти лучей находящейся посреди столбиков звезды вычеканено по латинской букве, а именно на 1-м I, на 2-м E, на 3-м S, на 4-м U, на 5-м также S, что, по сложении, составит слово: IESUS, т. е. Иисус. На шестом луче вычеканена звездочка.

На шестилучной ж звезде, составляющей дно или основание всей чаши находится следующая латинская надпись, которой каждое слово отделено от другаго знаком, похожим на латинскую букву S, или на параграф §: "HIC § CALIX § EST § COMPARATUS § IMPENSIS § H § D § STANISLAVI § DE § KOCZKO § VICE § CUSTODIS § OPATOVIIEN § ANO § D § 1540".

Т. е. обыкновенным шрифтом: Hic Calix est comparatus impensis h(onorati или honorabilis) D(omini) Stanislavi de Koczko, Vicecustodis Opatovien (sic), an(n)o D(omini) 1540.

Надпись эта значит по-русски: "Сия чаша устроена иждивением досточтеннаго господина Станислава Кочко (может-быть и Кошко ?), Вице-Коменданта Опатовскаго, лета Господня 1540".

Когда и по какому случаю чаша эта перешла в пригород Красное, никто из тамошних старожилов, как духовных, так и светских, не знает, и ни от кого я не слыхал. В церковной же описи она записана так: "Чаша серебряная, внутри вся, а внизу местами позлащенная, на ней внизу надпись польскими литерами, весом один фунт 39 золотн."

* Пригород Красное лежит в 26-ти верстах от города Опочки, у реки Синеи, на речках Серебрянке и Смородинке. Имеет две церкви, из которых одна каменная, а другая деревянная. Населен дворянами, духовными и мещанами. Хотя последние и причислены к Опочецкому Градскому Обществу, но всегда называются и пишутся Красногородскими. Занимаются преимущественно землепашеством, имея землю на несколько верст окружности. В Красном находится только Словесный Суд и местопребывание Становаго Пристава.

Очень-вероятно, что кто-нибудь из Красногородцев, вовремя *наездов* в тогдашнюю Польшу, вывез эту чашу из Белоруссии или Литвы, подобно тому, как опочецкая икона Пресвятой Богородицы *Троеручицы*, находящаяся на Завеличье, в Троицкой церкви, вывезена опочецким стрельцом Григорьем Колосовым, из города *Друи*, Минской губернии. Ибо хотя из латинской надписи на чаше видно, что ее устроил своим иждивением вице-комендант – так, кажется, здесь должно перевести латинское слово: *Vice-custos* – города *Опатова*, находящегося в Сандомирской губернии, Царства Польского, в 31 немецкой мили от Варшавы и в $37\frac{3}{7}$ м. от Бреста-Литовского; но не видно, в какую именно церковь, и какого города или селения, он пожертвовал ее: может-быть в какую-нибудь и недалнюю от *Псковской области*. Притом и фамилия *Кочко* или *Кошко*, скорее белорусская или малороссийская, нежели чисто-польская. Титул *Вице-Коменданта Опатовскаго* также не может затруднить объяснение, ибо кому неизвестно, что, по польскому обыкновению, и отставные паны носили титул последней своей должности до самой смерти? Почему и Г. Кочко или Кошко, живя где-нибудь и не далеко от Краснаго в Белоруссии, мог титуловать себя, по принятому обыкновению, и по отставке от должности, *Вице-Комендантом Опатовским*. Сверх-того в пригороде Красном существует предание, что близ самага Краснаго, за рекою *Синею*, на горе, находился польский косциол (церковь), или даже *кляитор* (монастырь). Ибо еще до отдачи, в 1634 году, при Царе Михаиле Федоровиче, Краснаго Польше, вместе с Псковскими городами: Себежем и Невлем*, Псковская граница с Польшею находилась у самага Краснаго на Синея реке, так что вора или беглаго крестьянина уже нельзя было ловить, когда он успевал перебежать за реку Синюю.

А впрочем и то немудрено, что наши удалые наездники были в самом *Опатове*, или в окрестностях его. Во всяком случае потир этот служит доказательством храбрости и молодечества прежних Красногородцев над Литовцами или Поляками. При сем замечательно и то, что русские, если им и удавалось захватить у неприятеля священныя какия-либо вещи, не оставляли их у себя, а жертвовали их в храмы Божии.

31 января 1846 г.
Опочка.

Ив. Бутырский

Ведомости С.-П.-бургской городской полиции, вторник 12-го марта 1846 года, № 57

* "В том (1634) лете помирился Государь с Литвою; а городов отдал 16, и с нарядом их, кои наши имали на Свеи (1) и на другой; отдаша Себеж и Красное и Невле. И даша подвод всех и с пригородскими семьсот с двоеколыми телегами; ставилась подвода по пол 4 рубли (2) и 4 рубли. А с Себежа пришли больши 200 порозжих: везти нечего". См. Псковскую Летопись, изданную в Москве, 1837 г. в 4 д. л. М. П. Погодиным, под 1634 год, стр. 240.

(1) *Освия*, местечко, кажется, Витебской губернии.

(2) 3 р. 50 к. серебром. На чей-то счет? Чрезвычайно, по тогдашнему времени, дорого. И нынче не дороже бы взяли.